

УДК 94 (575.2)

**СЫДЫКОВ: ГЕРОИЧЕСКАЯ И ТРАГИЧЕСКАЯ СУДЬБА ПЕРЕВОДЧИКА
ПЕРИОДА ВОССТАНИЯ 1916 г.**

В.М. Плоских

Раскрывается значение А. Сыдыкова, одного из основателей кыргызской национальной государственности.

Ключевые слова: "Алаш-орда"; национальное размежевание; Горная область; Кара-Киргизская автономная область; Социал-Туранская партия.

A. SYDYKOV: HEROIC AND TRAGIC FATE OF THE TRANSLATOR 1916 UPRISING

V.M. Ploskikh

The article reveals the importance A. Sydykova, one of the founders of the Kyrgyz national statehood.

Keywords: "Alash Orda"; national demarcation; Mountain region; Kara-Kirghiz Autonomous Oblast' the Social-Turan party.

Памятник ему установлен среди первых отцов-основателей кыргызской национальной государственности в центре Бишкека, но мало кто знает его историю, засекреченного и заклеянного как врага народа в годы сталинских репрессий. До сих пор далеко еще не все документы о нем рассекречены и хранятся "за семью печатями" в закрытых архивах спецведомств. Речь идет об Абдыкериме Сыдыкове (1889–1938 гг.)

Абдыкерим Сыдыков (Сыдыков Абдул-Керим) родился в 1889 г. в семье потомственных манапов рода солто в местности Башкара-Су Чуйской долины. Его предками являлись такие видные деятели кыргызского народа, как Тулеберди-батыр, Канат-батыр, Узбек Бошкоев (дед). Отец, Узбеков Сыдык, был волостным управителем, а в 1912–1915 гг. – биём (судьей) в Пригородной волости вблизи Пишпека. После революции занимался частным скотоводством и хлебопашеством. В 1930 г. "за невыполнение твердого задания полностью" по уплате налогов был приговорен на год исправительно-трудовых лагерей, после отбытия которых жил с Абдыкеримом Сыдыковым во Фрунзе. Дед, Узбек Бошкоев (1826–1912 гг.), – известный в Чуйской долине манап, сторонник России. В бытность управителем Толкановской волости в 1872 г. получил от туркестанского генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана за "отлично усердную и полезную службу" золотую медаль на анненской ленте. В 1901 г. "во внимание особых услуг" награждается большой серебряной медалью [1, с. 6]. Успешно занимался

животноводством и торговыми операциями, благотворительной деятельностью. Последняя награда молдо Узбека Бошкоева – медаль Красного креста "в память участия в деятельности общества во время русско-японской войны 1904–1905 гг.". Умер Бошкоев 15 мая 1912 г., похоронен в Алаарчинском ущелье, где возведен доставленный из Ташкента гумбез из чугунных арматур. В надгробной надписи выведена вся генеалогия: Узбек ибн Бошкой, ибн Канай ибн Тулеберди ибн Жамансарт ибн Кошой ибн Талкан ибн Чаа ибн Солто.

В раннем возрасте Абдыкерим Сыдыков был отдан учиться в мусульманский мектеб, где усвоил азы арабского языка и познакомился с Кораном. В 1904 г. поступил в Верненскую мужскую гимназию – учебное заведение привилегированного типа. В 1911 г. А. Сыдыков успешно заканчивает гимназию и поступает на ветеринарный факультет Казанского университета. Абдыкерим вскоре заболел и вынужден был возвратиться в Пишпек, где одно время занимался пчеловодством, затем поступил на государственную службу. 16 ноября 1912 г. в прошении на имя государя императора он обращается к Пишпекскому уездному начальнику: "Имею желание поступить в военную Вашего Величества службу по военно-народному управлению. Прошу определить на службу словесного переводчика Пишпекского уездного управления" [1, с. 7]. После проверки на благонадежность и взятия подписки "о непринадлежности к тайным обществам" в прошлом и что не будет принадлежать

к ним и впредь А. Сыдыков зачисляется переводчиком. В управе А. Сыдыков дослужился до гражданского чина коллежского регистратора, что соответствовало воинскому званию подпоручика [2, с. 14]. Вскоре он награждается медалью в связи с 300-летием дома Романовых, затем малой серебряной медалью “За труды, понесенные обстоятельствами войны”. С начала восстания в сентябре 1916 г. “за толковую передачу приказаний подполковника Рымшевича во время боя при отражении атаки мятежников” А. Сыдыков был представлен к ордену святого Станислава III степени с мечом и бантом [1, с. 7]. Этот факт будет вызывать неоднократные обращения к биографии А. Сыдыкова в будущем, особенно при неоднократных исключениях его из партии, но участие Сыдыкова в репрессиях кыргызского населения так подтверждено и не будет, несмотря на все старания советских, партийных и карательных органов.

Говоря о роли переводчиков, отметим, что, не будь их посредничества в конфликте 1916 г., количество жертв было бы гораздо больше. Как считает З.К. Курманов, “в это время А. Сыдыков спас от гибели многих кыргызов, тайно оповещая восставших о готовящихся карательных операциях. Неслучайно кыргызы Пишпекского уезда в 1917 г. выдвинули его кандидатом в депутаты Учредительного собрания... Служба в царской администрации открывала перед А. Сыдыковым более широкие возможности для политического роста и карьеры. Еще одна причина поступления на русскую службу – это сложившаяся семейная традиция, заложенная еще Байтиком Канаевым. Этой традиции Абдыкерим не изменил даже в 1916 г. Формально он оставался на стороне царской администрации, но делал все от него зависящее для спасения своего народа” [2, с. 16].

После победы февральской революции А. Сыдыков становится заместителем (помощником) пишпекского уездного военного комиссара Временного правительства. Он занимает также должности председателя торгово-хозяйственной и промышленной секции, заведующего подотделом по оказанию бесплатной юридической помощи бедноте в национальном отделе.

Летом 1917 г. А. Сыдыков создает в Пишпеке отделение казахско-кыргызской партии “Алаш”, в котором активное участие принимали его единомышленники и друзья И. Арабаев, К. Тыныстанов, Н. Тулин и др.

Через год, с началом “красного террора” после покушения на Ленина, пишпекское отделение “Алаш” было распущено, А. Сыдыков вступает в партию левых эсеров, а затем – в партию большевиков.

“Вступление мое в ряды коммунистической партии 29 октября 1918 г. при слиянии последней и партии с.-р. левых, – напишет позже А. Сыдыков, – окончательно оформило мое политическое кредо” [1, с. 8]. До 1919 г. А. Сыдыков работал в Пишпекке.

В 1919 г. он был уполномоченным военно-политической комиссии по ликвидации Семиреченского Северного фронта, являлся членом тройки по ликвидации Верненского мятежа, а в 1920 г. – членом экспедиционной тройки по ликвидации Нарынского мятежа.

В конце 1919 г. А. Сыдыков утверждается заместителем председателя мусульманского бюро Джеты-Суйского обкома Коммунистической партии Туркестана. После слияния Мусбюро с обкомом партии с марта по август 1920 г. был членом исполбюро обкома партии, а затем переводится в аппарат облисполкома – работает заместителем председателя, а затем председателем Семиреченского облисполкома.

В 1920–1921 гг. А. Сыдыков, будучи членом облмусбюро, исполбюро Семиреченского обкома (Джеты-Суйского), облвоенревкома, облревкома, членом коллегии Наркомзема Туркестанской Республики, уполномоченным ЦК союза “Кошчи” Туркеспублики, был наделен высокими полномочиями и выполнял различные партийные и государственные поручения. В эти годы он избирался депутатом Всеобщего съезда Кыргызского края (Оренбург), делегатом первой областной конференции мусульман-коммунистов и других форумов, а на X съезде Советов Туркестана – членом ЦИК Советов Туркеспублики.

В 1920 г. впервые официально был поднят вопрос о его партийности. При обсуждении кандидатур в президиум IX съезда Советов Туркестанской АССР была высказана мысль о том, что он, как бывший бай и полицейский, недостойн быть в составе коммунистической фракции. Комфракция съезда рассмотрела его заявление, учла ходатайства делегатов от северных уездов Киргизии и постановила: “...принять к сведению и т. Сыдыкова признать членом Коммунистической партии”.

К 1922 г. А. Сыдыков выступает инициатором создания Кыргызской Горной области, его поддерживают такие деятели, как Айдарбеков, Абдрахманов, Арабаев и др. Создание первого очага кыргызской государственности, каковым мыслилась самостоятельная Горная область (с входением ее в РСФСР), в полной мере отвечало вековым чаяниям, жизненным интересам кыргызского народа. Сыдыков утверждается председателем оргкомиссии по созыву Учредительного съезда Горной области. Однако по телеграмме И. Сталина Учре-

дительный съезд был распущен (из-за опасности возникновения буржуазно-национального образования), решение вопроса о самостоятельной Кыргызской области отложено, А. Сыдыков отозван в распоряжение ЦИК Туркестанской АССР. В марте 1922 г. он был избран делегатом от Семиреченской областной парторганизации как председатель облисполкома на краевую партконференцию. В Ташкенте он узнал, что комиссией по чистке исключен из партии как бывший полицейский чиновник (помощник уездного начальника). Комиссия по чистке, исключив А. Сыдыкова из партии, решила ему остаться на советской работе.

11 августа 1922 г. ЦКК РКП(б), заслушав личное объяснение А. Сыдыкова, восстанавливает его в партии и отзывает из Семиречья. Он переводится в г. Ташкент, работает начальником управления коневодства, членом коллегии Наркомзема, далее управляющим торгового отдела Госторга Туркестанской Республики.

В мае 1924 г. партколлегия ЦКК опять исключает Сыдыкова из партии. Мотивы исключения: сын манапа, служил переводчиком-письмоводителем, принимал участие в карательной операции против участников восстания 1916 г., стал помощником уездного начальника, был заместителем уездного комиссара Временного правительства, членом левозероградской партии. Но 25 июня в соответствии с постановлением Президиума ЦИК КПТ от 12 июня ЦКК КПТ отменяет свое решение, а дело Сыдыкова направляется на доследование.

16 сентября 1924 г. Партколлегия ЦКК КПТ, опираясь на заключение дополнительного исследования, а также на решения Исполбюро Пишпекского Угоркома КПТ от 20 августа и Президиума Джеты-Суйского обл. КК КПТ от 2 сентября, исключает Сыдыкова из партии.

Рассмотрев апелляцию Сыдыкова, ЦКК РКП(б) своим решением от 11 декабря 1924 г. восстановил его в рядах партии “ввиду продолжительной и безупречной работы на ответственной советской и хозработе” [1, с. 10].

После национально-государственного размежевания Средней Азии и образования Кара-Киргизской автономной области в ноябре 1924 г. Сыдыков командирован в Москву для разрешения ряда важных для молодой области вопросов. После окончания служебной командировки работает на должности заведующего отделом местного хозяйства облревкома (облисполкома). Затем он назначается полномочным представителем Кара-Киргизской автономной области в Ташкенте.

В период формирования партийно-советского аппарата только что созданной автономной области Сыдыков активно участвует в групповой борь-

бе и выступает против усиления диктата партаппарата. Поэтому вопрос о партийности Сыдыкова поднимался (в виде вопросов к докладчикам) и на первой Кыргызской областной партийной конференции, которая состоялась в марте 1925 г. На конференции Сыдыков участвовал в качестве делегата с совещательным голосом.

Отвечая на вопрос конкретно о партийности Сыдыкова, представитель ЦКК РКП(б) по Средней Азии Манжара подчеркнул, что “по отношению к Сыдыкову в партии должна быть прекращена какая-либо травля... Такие товарищи, как Сыдыков, искренне отдаются работе в пользу Советской власти и рабочих, и дехкан, и такие товарищи могут быть в партии” [1, с. 10].

Первым организованным противостоянием официальному курсу большевистской партии, идейной оппозиционной программой в Кыргызстане стало письмо так называемой “тридцатки”.

В 1925 г. в заявлении “тридцатки” на имя ЦК РКП(б), Национального Совета, Средазбюро ЦК РКП(б) и Киробкома партии так было сформулировано экономическое и политическое кредо инициаторов иного курса государственного переустройства: “Национальное размежевание Средней Азии и создание Автономной Киргизской области должно было внести единство среди кыргызского народа, постепенно ликвидировать родовую вражду и все те группировки, которые создавались как следствие долгих лет колониальной политики, проводимой царским правительством на далекой окраине” [1, с. 19]. Но этого, говорилось далее в документе, не произошло: “Партаппарат строился по групповому принципу близости и личной связи того или иного работника с руководящей верхушкой Обкома, еще больше разгоралась внутривнутрипартийная групповая борьба и родовая борьба в массах, выявилась линия игнорирования целого ряда коренных работников, знающих прекрасно местные условия работы и могущих быть полезными партии и советской власти в проведении правильной линии на местах, особенно земельной политики” [1, с. 19]. Авторы заявления предлагали свое решение: “Мы всецело поддерживаем полное равенство коренного и европейского населения при проведении планового землеустройства, имея в виду устроить в первую очередь в порядке землеустройства безземельные группы населения” [1, с. 19].

Лидером и идейным вдохновителем “тридцатки”, автором, или соавтором, заявления-манифеста был А. Сыдыков. Его подписал и домолла И. Арабаев, а также председатель Кыргызского облисполкома Орозбеков, его друзья Айдарбеков, Чукин и многие другие.

В том же 1925 г. лидеры “тридцатки” были исключены из партии, освобождены от руководящей

работы. А. Сыдыков был выпровожен из республики в Ташкент на рядовую работу. Однако идеи, заложенные в основу заявления “тридцатки”, не умерли. Насильственные методы перевода индивидуального сельского хозяйства в коллективное, экспроприация и высылка под видом бай-манапов и кулаков, наряду с зажиточными хозяйствами, середняцких, да и просто неугодных местным партийным лидерам лиц, ужесточение общей карательной политики и безалаберности в хозяйствовании привели к разрухе и голоду. Отзвуки всеобщего мора с Украины, Поволжья и Казахстана докатились и до Кыргызстана. Присылка партийных лидеров в ключевые парторганизации, двадцатипяти тысячников в руководители хозяйств на селе усиливали, с одной стороны, шовинистические амбиции русскоязычного населения, с другой – (как противодействие им) националистические течения коренных народов. На этой почве вызрели оппозиционные официальному курсу партии большевиков идеи – построить социализм в одной стране, минуя феодальную стадию развития. Рождались идеи симбиоза пантюркизма и социализма, идеи наивного или интуитивного нащупывания пути к созданию социалистической туранской организации.

Ровно через три месяца после облпартконференции (25 июня 1925 г.) комиссия, возглавляемая самим же Манжара, проверяя заявление “тридцатки”, одним из инициаторов которого был Сыдыков, пришла к выводу о правомерности исключения его из партии.

Это был последний эпизод в партийной карьере А. Сыдыкова.

В Постановлении Исполкомиссии Средазбюро ЦК КП(б) от 29–30 июня 1925 г. было закреплено это решение:

“а) Сыдыкова, как трижды исключавшегося из партии и не прекратившего участия в группировках и выступлениях против партийного комитета, вносящего разложение как внутри парторганизации, так и в советские органы, признать заслуживающим исключения комиссией по проверке – вопрос о его партположении считать исчерпанным и одновременно признать его пребывание в Кыргызской автономной области невозможным; б) Арабаева, бывшего муллу, активного организатора группировки, не знающего и не желающего знать политику и тактику партии, исключить, считая возможным использование его на советской работе...” [1, с. 11].

Так бесславно закончилась партийная карьера А. Сыдыкова и его старшего друга И. Арабаева. Наступил этап оформления новой нелегальной организации оппозиционеров – Социал-Туранской партии (СТП).

Четверть века спустя их коллега А. Керимбеков вспоминал: “Весной 1932 г. в доме Тулина Найзабека, где жили Шабданов Аджиман и Сопиев, было собрание по вопросу обсуждения и принятия программы Социал-Туранской партии. На этом собрании был я, Шабданов Аджиман, Сопиев, Курманов Султан, Хашибеков Хайратдин. Программа была написана на русском языке рукописью Шабданова, Сопиева и Курманова, я ее читал. В программе говорилось о задачах Социал-Туранской партии” [1, с. 12]. Программа была одобрена всеми присутствующими лицами.

Правда, А. Сыдыков и И. Арабаев на совещании не присутствовали, как объяснил А. Керимбеков, “из-за конспиративных целей”. Председателем организации заочно был избран А. Сыдыков (партийный псевдоним – Манас). А. Керимбеков разъяснил и суть названия партии, как оно понималось организаторами: “Туранская, потому что в перспективе все племена Туранской низменности войдут в состав нового государства. Социал – создание социалистического государства, но не такое, как советское” [1, с. 12].

Вскоре единственные экземпляры рукописей Программы и Воззвания исчезли. Оригиналы документов не фигурировали и в следственном деле, а позже копии были воспроизведены авторами Программы по памяти в ходе допросов. Сообщники, однако, догадывались, что их подозревают. Один из ответственных работников Южной Киргизии, коммунист Хасанбек Алымбеков, предупреждал С. Курманова – одного из авторов Программы СТП, что “ГПУ известно о наличии их контрреволюционной организации”. Об этом же позже на допросе поведал А. Шабданов: “Со слов Сопиева, ему об осведомленности ГПУ о наличии нашей к.-р. группы сказал некий Хасанбек Алымбеков” [1, с. 12]. А раз знали, значит, по всей видимости, предприняли и определенные меры предосторожности. Этим и объясняется отсутствие в следственном деле конкретных вещественных или документальных доказательств их “виновности”. Но избежать ареста они не могли, да и не чувствовали за собой уголовной или государственной вины, ибо их помыслы были направлены не на изменение общественного строя, а на поиски более совершенного пути строительства социализма с учетом среднеазиатской специфики. Да и название будущей партии они мыслили как Социалистическая Туранская партия.

А. Сыдыкова арестовали не первым, хотя он числился в лидерах оппозиции. Арестовали 9 мая 1933 г., согласно постановлению оперуполномоченного Особого отдела Среднеазиатского военного округа Левшина, которое утвердил заместитель начальника ГПУ Кыргызской АССР Четвертаков.

Не занимавший вот уже почти десять лет больших официальных должностей А. Сыдыков скромно трудился в Госплане в Ташкенте, откуда в 1932 г. был приглашен во Фрунзе своим учеником Ю. Абдрахмановым – председателем Совнаркома Кыргызской АССР. Ю. Абдрахманов и Б. Исакеев рекомендовали беспартийного А. Сыдыкова в качестве грамотного экономиста первому секретарю Киробкома А.О. Шахраю, и тот дал согласие перевести его на должность заведующего сельхозотделом и зам. председателя Госплана Киргизской Автономной Республики. А. Сыдыков оказался во Фрунзе в роковое время, через год он был арестован.

Первый допрос А. Сыдыкова состоялся в день ареста, 9 мая 1933 г. Он сразу же заявил: “Признаю себя виновным в контрреволюционной деятельности”. И собственноручно сформулировал пять пунктов этой “деятельности”, выразившейся в следующем (хотя трудно отрешиться от мысли, не сфабрикованы ли они самим следователем – настолько пункты одиозны и нереалистичны):

“...5. В основном я могу сказать, что в Киргизии есть контрреволюционная организация, к числу которой и я принадлежу, и очень многие. Подробности я могу в последующем показании и задании вопросов указать” [1, с. 25].

Поскольку вопрос о программе СТП являлся ключевым, приведем полностью показания А. Сыдыкова по этому поводу:

“...Программа организации сводилась к следующему, оговариваюсь, что даю ее в общих чертах, оставляя за собой право последующего дополнения.

1. Построение социализма в одной стране невозможно, социализм может быть построен успешно только во всемирном масштабе при овладении высокой техникой. Отсюда логически следует, что попытки построения социализма в СССР неизбежно повлекут обнищание населения, особенно в бывших колониях царской России, как культурно отсталых, не владеющих техникой.

2. Крупные мероприятия политического и экономического характера, проводимые сов. властью по отношению к бай-манапству Киргизии, влекут за собой хозяйственную разруху в стране.

3. Выдвижение на государственные должности дехкан, рабочих, технически малограмотных и теоретически не подготовленных к управлению государством, влечет за собой развал и хаос в управлении.

На сегодняшний день, не имея достаточных кадров, необходимо отказаться от принципа выдвижения.

4. Ленинская политика в национальном вопросе является по существу правильной и прием-

лемой, но фактически проводимая коммунистической партией в Киргизии искажается – примеры приведу позже и вообще прошу вопрос о программе организации отложить до следующего допроса” [1, с. 26].

Несомненно, здесь Сыдыков высказывал свои сокровенные мысли. Следователь Левшин добивался конкретного изложения программы, которая, как видим, не была оформлена и позже, в более или менее сформулированной форме выкристаллизовалась в застенках ОГПУ.

В 1934 г. было вынесено обвинительное заключение по делу № 5630 “О националистической к.-р. организации в Киргизии “Социал-Туранская партия” (СТП)”. А. Сыдыков обвинялся в следующем:

«1. С конца 1931 г. по день ареста 9.V.1933 г. руководил действиями членов националистической контрреволюционной организации, именуемой “Социалистическая Туранская партия”, которая своей конечной целью ставила выделение из Советского Союза Узбекской, Туркменской, Казахской, Киргизской и Каракалпакской республик и образование из них федеративного буржуазно-демократического государства. На первом этапе своей деятельности организация ставила задачу отторжения от Советского Союза Киргизской ССР посредством вооруженного восстания внутри Киргизии при помощи бандглаварей, оперирующих в Синь-Цзянской провинции Зап. Китая и Английского консульства в Кашгаре.

2. Лично Сыдыковым были привлечены к работе к.-р. организации аксакалы рода “саяк” Чиньев Кукумбай, из рода “чирик” Маакеев Чоршек, которые по указаниям Сыдыкова в Сталинском и Нарынском р-нах Кир. АССР организовали к.-р. группы до 250 человек, подготовленных к вооруженному выступлению 1933 г. и проводивших активную агитацию и срыв ряда с-х политкампаний, т. е. в преступлениях, предусмотренных ст. 58-II 4 УК РСФСР.

В предъявленных ему обвинениях по п. I соznался полностью, по п. II – виновным себя не признал» [1, с. 50].

Дело пошло в суд 28 февраля 1934 г., на заседании коллегии ОГПУ А. Шабданова приговорили к расстрелу, который в тот же день и состоялся. Подсудимых Абдыкерима Сыдыкова, Джанем Солтоноева, Султана Курманова, Турды Акуна Сопиева, Мокке Комбарова, Мустафу Ахметова, Насреддина Кашимбекова приговорили к расстрелу с заменой заключением в исправтрудлагерь сроком на 10 лет.

1937 г. сопровождался новым шквалом жестоких репрессий. Политические лидеры Кыргызстана,

арестованные как враги “народа”, повлекли за собой обвинения, сплетенные из разноцветных нитей несуществовавших преступлений, не последнее место среди которых занимала уже явно мифическая организация, от фундамента до конька крыши созданная сотрудниками НКВД. Чекисты решили реанимировать СТП, арестовав в качестве руководителей новых лиц – Ю. Абдрахманова, К. Тыныстанову и Б. Исакеева, и вывели нити связей в Москву – к Т. Рыскулову, в Ташкент и Алма-Ату. Вернулись и к делу А. Сыдыкова, которому предстояло пройти еще раз круг адových испытаний. На последнем допросе, 10 февраля 1938 г., сломленный Сыдыков показал: “Я признаю себя виновным в том, что мною организована в 1931 году группа киргизских националистов, выходцев из бай-манапской среды. Эта группа ставила перед собой цель: организацию эмиграции в Синьцзян. В 1933 г. эта группа была разоблачена и репрессирована органами ГПУ, в частности тройкой ОГПУ... В Средней Азии был приговорен к расстрелу, с последующей заменой 10 г.ми концлагерей... Никогда ни в какой к.-р. националистической организации я не состоял, не считая организованной мной группы в 1931 г. и мое участие в так называемой тридцатке... Создание группировки диктовалось необходимостью в осуществлении директив Турк. ЦИКа... Я категорически отрицаю, что в то время мною была создана националистическая к.-р. организация и что эта организация ставила перед собой дело реставрации капитализма в Киргизии... Я признаюсь в том, что был организатором и идейным вдохновителем этих тридцати человек, подписавшихся под явно антисоветским националистическим документом... Я заяв-

ляю еще раз, что в моей деятельности было много контрреволюционных националистических дел, но все исходило лично от меня, никакими связями или обязательствами перед к.-р. националистической организацией это не объясняется, ибо я ни в какой националистической организации не состоял и тем более сам ее не организовывал” [1, с. 52].

Затем последовало обвинительное заключение, датированное тем же роковым 10 февраля 1938 г. Вот выписка из решения тройки НКВД КиргССР: “А. Сыдыков обвинялся в том, что являлся одним из активных организаторов в Киргизии к.-р. Алашординской нац. орг-ции, впоследствии – СТП. По его заданию были созданы в ряде районов к.-р. повстанческие группы на вооруженное восстание против сов. власти. Организатор к.-р. тридцатки” [1, с. 53].

Постановили: расстрелять, имущество конфисковать.

В этот же день его отправили в камеру смертников, а 18 февраля 1938 г. А. Сыдыкова не стало. Так погиб лидер кыргызской политической интеллигенции 1920-х – 1930-х гг., возглавлявший оппозицию сталинскому курсу, переводчик периода восстания 1916 г., один из основателей кыргызской национальной государственности в составе РСФСР.

Литература

1. *Плоских В.М.* Манас не признал себя виновным / В.М. Плоских. Бишкек, 1993.
2. *Курманов З.* Абдыкерим Сыдыков: Личность и история / З. Курманов, Э. Сыдыков. Бишкек, 2002.